

Аверенкова Наталья Вячеславовна, Пашинцев Евгений Васильевич

ЦИВИЛИЗАЦИЯ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ, СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье обосновывается тезис о том, что своеобразие российского социума обусловлено внешними причинами: столкновением на евразийском пространстве двух цивилизаций - западной и восточной. Объективным результатом этого столкновения явилось становление нового типа цивилизации, в рамках которой институт государства стал доминирующим по отношению к экономическим и идеологическим институтам. Советский "эксперимент" продемонстрировал полную социальную монополию государства и политическую ангажированность идеологии. Дальнейшее развитие российского социума предполагает социокультурное отделение культуры от цивилизации, идеологии от политики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/10/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(72) С. 19-23. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ROLE OF RUSSIAN AUTHORITIES IN THE CAUCASUS REGION IN SETTLING CONFLICTS RELATED TO HORSE-STEALING BETWEEN KUMYK RULERS AND GREBEN COSSACKS IN THE XVIII CENTURY (BY THE MATERIALS OF KIZLYAR COMMANDANT'S ARCHIVE)

Abdusalamov Magomed-Pasha Balashovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Dagestan State Institute of National Economy
vikingpasha@mail.ru

Murtazaev Arsen Omarovich, Ph. D. in History
Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
arslist777@mail.ru

Relying on the materials of Kizlyar Commandant's Archive the article examines the role of Russian authorities in the Caucasus region in settling conflicts related to horse-stealing between Kumyk rulers and Greben Cossacks in the XVIII century. Horse-stealing as one of serious crimes was widely spread in the Caucasus region. It influenced relations between Kumyk feudal rulers and Cossacks. Russian authorities, looking for peace and stability in the region, made great efforts to prevent crimes related to horse-stealing but they didn't manage to eradicate horse-stealing in the XVIII century.

Key words and phrases: Caucasus; Kizlyar Commandant; Russian authorities; Kumyk rulers; Greben Cossacks; horse-stealing; crime.

УДК 9; 93/94

Исторические науки и археология

В статье обосновывается тезис о том, что своеобразиие российского социума обусловлено внешними причинами: столкновением на евразийском пространстве двух цивилизаций – западной и восточной. Объективным результатом этого столкновения явилось становление нового типа цивилизации, в рамках которой институт государства стал доминирующим по отношению к экономическим и идеологическим институтам. Советский «эксперимент» продемонстрировал полную социальную монополию государства и политическую ангажированность идеологии. Дальнейшее развитие российского социума предполагает социокультурное отделение культуры от цивилизации, идеологии от политики.

Ключевые слова и фразы: западная цивилизация; восточная цивилизация; российская цивилизация; доминирующая роль государства; тоталитаризм; русская культура; собственность; власть; авторитет.

Аверенкова Наталья Вячеславовна, к.и.н.

Пашинцев Евгений Васильевич, д. филос. н., доцент

Челябинский институт путей сообщения –

филиал Уральского государственного университета путей сообщения

info@chirt.ru

ЦИВИЛИЗАЦИЯ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ, СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Согласно общепризнанным методологическим канонам, любое внешнее противоречие системы является проявлением ее внутреннего противоречия. Однако тщательный анализ эпохи становления нашей отечественной истории показывает, что в основе ее специфики лежит исключительно внешний фактор – столкновение двух великих цивилизаций, западной и восточной. Поэтому основная задача данной статьи – показать, каким образом это внешнее противоречие закрепилось в виде устойчивого внутреннего противоречия, выражающего специфику российской цивилизации.

Историческое влияние западной цивилизации, безусловно, ведет отсчет со знаменитого призвания варягов на Русь. Перед нами весьма любопытный в рамках человеческой предыстории социокультурный факт – сознательное преодоление восточными славянами своего отставания в общественном разделении труда, а именно – отделении управленческого труда от ремесла и земледелия. Варяжские князья – это и есть представители нового управленческого класса, который с необходимостью выделился в условиях густонаселенной Западной Европы. Вот что писал по этому поводу выдающийся русский философ В. С. Соловьев: «Наши предки, видя недостаточность туземных элементов для организации общественного порядка, по своей доброй воле и по зрелом размышлении призвали к власти скандинавских князей, сказав им достопамятные слова: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами”» [5, с. 190].

Здесь вполне уместно высказать запоздалый упрек классическому марксизму, который, оперируя фундаментальной категорией разделения труда, не сумел в должной мере оценить сам факт выделения профессионального управленческого труда. Но именно с процесса управления людей людьми и начинается собственно социальная история общества, т.е. история социального неравенства. Побочным следствием этой методологической ситуации можно считать неизбежный вывод о неадекватности классической марксистской методологии применительно к анализу евразийского «феномена».

Вовремя позаимствовав элементы западной цивилизации, восточные славяне стали быстро развиваться по западному, то есть собственническому, пути, во многом опережая (если иметь в виду Древний Новгород) сами западные страны. Однако очень скоро благополучная европеизация Руси стремительно заканчивается. Мощнейший напор со стороны Востока (татаро-монгольское нашествие) круто меняет направление

цивилизационного развития Руси. Заглушив ростки формирования частной собственности на древнерусских просторах, восточный тип цивилизации оставил для славян лишь одну возможность исторического самосохранения – медленное соби́рание земель вокруг вновь возникшего Московского княжества. С выполнением этой исторической задачи блестяще справился внук Александра Невского – московский князь Иван Калита. Начиная с эпохи возвышения Московского княжества, мы наблюдаем в истории российской цивилизации устойчивое доминирование института государства.

В интересах дальнейшего изложения необходимо сделать одно социологическое отступление. Ни одна сколько-нибудь самостоятельная цивилизация не в состоянии развиваться без института государства. Но внутренняя родословная у этого важнейшего институционального образования различна, если рассматривать вопрос с точки зрения соотношения западного и восточного типов социумов. На Западе институт государства вырастает из потребностей развития института собственности. И даже в условиях новейшей истории политическая жизнь западного общества представляет собой политический аналог рынка. На Востоке (каким бы растяжимым смыслом ни обладало данное понятие) институт государства вырастает из потребностей развития института семьи. Здесь, как правило, доминирует в тех или иных формах социокультурный символ «отца нации». Отголоском «полувосточного» происхождения российской цивилизации как раз и является устойчивый в рамках монархической России культ «царя-батюшки».

Специфика российского типа цивилизации состоит в том, что институт государства в силу своей «промежуточной», восточно-западной родословной носит как бы верхушечный характер. В России государство опирается само на себя, поскольку подминает под себя и экономические, и идеологические институты. Косвенно эту институциональную мощь российского государства зафиксировал Н. А. Бердяев, очень точно подметив, что Россия – самая бюрократическая страна в мире. Разумеется, такая удивительная способность к самопроизводству российского государства должна была иметь длительную историю становления и развития. Перечислим наиболее значимые этапы в истории российской цивилизации.

Чрезвычайно жестокий и яркий след в истории российской государственности оставило царствование Ивана Грозного. Громадный урон хозяйственной и общественной жизни средневековой Руси нанесла печально знаменитая опричнина. Однако за всеми абсурдными с точки зрения экономической целесообразности поступками этого государственного деятеля проглядывает одна и та же историческая логика – укрепление централизованной власти государства в борьбе со стихийно формирующейся экономической властью боярства.

Следующая ступень в развитии российской цивилизации – это реформы Петра I, которые обеспечили выход российского государства на международный уровень. Вступая в невольную полемику со славянофилами XIX века, хочется задать почти риторический вопрос: сумела бы самобытная русская культура сохранить себя без поддержки обновленного государственного аппарата? Скорее всего, нет. Поэтому роль Петра Великого в истории российской цивилизации заслуживает однозначно положительной оценки. Что касается морального осуждения свирепых методов феодального правления, то вряд ли морализаторский подход является актуальным для той эпохи. По сути дела, мы сталкиваемся в данной ситуации с явлением хронологического сдвига в общественном сознании. Западная Европа, осуждая «варварского» русского царя, бессознательно прощалась со своим собственным жестоким феодальным прошлым.

С петровскими реформами связано также качественное изменение русского менталитета, а именно: от понимания целого как суммы частных интересов народное сознание переходит к пониманию целого как самодовлеющей национальной ценности. Этот социально-психологический рубеж в формировании русского национального самосознания историк В. О. Ключевский описывает следующим образом: «Вот это трудное для древнерусского ума понятие об общем благе и усиливался выяснять ему своим примером, своим взглядом на власть и ее отношение к народу и государству Петр Великий» [1, с. 198]. Говорят, знание отечественной истории чему-то учит. Если это так, то буржуазно-либеральные реформы в России конца XX столетия, провозгласившие культ частных интересов, можно оценить как бессознательную попытку элиминировать петровские завоевания.

Еще одна важнейшая черта российской цивилизации состоит в повышенной чуткости ее официальной культуры к идеологическим веяниям Запада. Русский религиозный философ Г. П. Федотов связывает эту цивилизационную особенность России с теми же петровскими реформами: «Петру удалось на века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга» [7, с. 283]. Но этот идеологический раскол как раз и обеспечивал историческую перспективу евразийской цивилизации, имеющей немало общих черт с восточными деспотиями. Обращенная одной своей головой на Запад государственная власть была «ресурсом, который питал эволюцию культуры, не давая ей застыть наподобие многих культур Востока» [3, с. 62]. Можно считать, что развернувшаяся в XIX веке борьба западников и славянофилов явилась исторически запоздалым проявлением той глубинной антиномии, которая со времен петровских реформ легла в основание национальной русской культуры.

Следующий закономерный этап в развитии российского социума неразрывно связан с советской историей. Октябрьский «эксперимент» еще раз продемонстрировал устойчивое своеобразие российской цивилизации. Победа пролетарской революции в многомиллионной крестьянской стране явилась подтверждением все той же чуткости русской культуры к идеологическим веяниям Запада. При этом доминирующая роль государства не только сохранила свое прежнее цивилизационное значение, но и достигла максимально возможного уровня развития. Очевидность данного факта такова, что его констатацию можно наблюдать даже в идеологическом пространстве посткоммунистической России, а именно: «История показала, что советский период стал периодом наивысшего подъема тысячелетнего российского государства» [4, с. 95]. То международное значение, которое имело почти на всем протяжении XX века советское государство, доказывает справедливость данного вывода.

Подведем первые итоги. Столкновение на евразийских просторах двух великих цивилизаций – Востока и Запада – привело к тому, что внешнее, геополитическое противоречие превратилось в устойчивое внутреннее противоречие, закрепившее специфику российского социума. Суть этой социокультурной специфики состоит в устойчивом и противоречивом единстве тоталитарной мощи российского государства со свобододобивым духом национальной русской культуры. Упрощая, насколько это возможно, сложную теоретическую реальность, можно было бы сказать: Россия как особый социокультурный феномен – это симбиоз беспокойной («фаустовской») западной культуры и восточной («тоталитарной») цивилизации. Символическая плотность этого гетерогенного единства хорошо прослеживается в различных пластах национальной культуры. На уровне официальной, т.е. бюрократизированной, культуры беспокойство западного духа проявляется в ревнивом стремлении «догнать и перегнать Америку» (а еще раньше – Германию, Англию, Францию и Европу в целом). При этом для внутреннего пользования эта же официальная культура придерживается восточных принципов – «держаться» и «не пущать». На уровне более утонченной элитарной культуры суть противоречивого евразийского «феномена» проявляется следующим образом. С одной стороны, западная свобода духа на русской почве реализует себя в бесконечных поисках индивидуального смысла жизни (в народной культуре это выливается в странничество и отшельничество). С другой стороны, тоталитарная закваска национального русского духа не удовлетворяется интеллектуальной и предпринимательской формами деятельности и направляет свои духовные силы в сферу морального творчества – на поиски «абсолютного добра». В народной культуре этот моральный максимализм воплощается в стремлении построить «Царство Божие» не только на небе, но и на земле.

Итак, основное противоречие российского социума – это противоречие между цивилизацией и культурой, еще точнее – между цивилизацией восточного типа и культурой западного типа. Косвенным образом эта специфическая черта российского социума зафиксирована в учебном пособии, согласно которому в России «внедрение западных ценностей идет сугубо нажимными восточными способами» [2, с. 30]. Вот этот прочный социокультурный симбиоз цивилизации и культуры, притупляющий «восточную» и «западную» остроту обоих полюсов, как раз и выступает в качестве наиболее существенного признака российской цивилизации, которую не случайно называют «пограничной». Все исторические факты, события и процессы «перемальваются» в России этими двумя социокультурными «жерновами». В качестве иллюстрации к этому социально-философскому выводу напомним три переломных момента нашей отечественной истории: 1) культурная экспансия Петра I в Западную Европу и цивилизационное закрепление петровских реформ в эпоху Екатерины II; 2) внедрение большевиками марксистской идеологии в российскую почву и тоталитарное закрепление результатов пролетарской революции в сталинскую эпоху; 3) буржуазно-либеральная «деидеологизация» советской системы, инициированная М. Горбачевым, и закрепление буржуазного статуса России администрацией В. Путина.

Возникает вопрос: насколько вывод о «синтетической» природе российской цивилизации совпадает с устоявшимися представлениями, бытующими в нашем общественном сознании? К сожалению, и в сфере теории, и в политической практике процесс самоидентификации России складывается на редкость неудачно. В качестве примера сошлемся на одно из теоретических определений, которое в силу своего учебного статуса претендует на всеобщность, а именно: «Российская цивилизация – социокультурная общность, имеющая пространственные и временные параметры, своеобразную материальную и духовную культуру. Ее самобытность обусловлена природно-географическими явлениями евразийского континента, исторической судьбой проживающих на нем многочисленных народов» [8, с. 4]. Отбрасывая неуместную в данной ситуации «политкорректность», мы вынуждены сказать: при всей своей эмпирической наглядности данное определение является теоретически бессодержательным. Постановка проблемы – в данном случае описание ее эмпирических границ – выдается за теоретическое решение проблемы.

Причина данных затруднений не теоретическая и даже не концептуальная, а чисто мировоззренческая. Идеологически бездумное («зряшное») отрицание закономерности советского этапа нашей отечественной истории приводит к тому, что российские интеллектуалы лишают себя возможности усвоить важнейший гносеологический урок советского «тоталитаризма». Суть же этого урока состоит в том, что реальное социальное пространство функционирует не в двух («материальное» и «идеальное»), а в трех измерениях: «материальное», «социальное» и «идеальное». Лишенная овеществленной буржуазной оболочки советская общественная система наглядно показала, что действительной основой цивилизованной общественной организации являются не вещи и не идеи, а анонимная по своей природе система социальных институтов. Иными словами, подлинный смысл «социальности» состоит не в ее общности, а в ее инструментальности, поскольку цивилизованная общественная связь может воспроизводиться только с помощью социальных институтов.

Попробуем, опираясь на указанную мировоззренческую норму, провести отчетливую концептуальную грань между двумя понятиями – «цивилизация» и «культура». Будем считать, что переход от дикости и варварства к цивилизации ознаменовался тем, что люди научились производить свои общественные отношения уже не на основе кровнородственных связей (заимствуя их у природы), а с помощью искусственно созданных «орудий» – социальных институтов. Исходя из этой установки, цивилизацию можно определить как совокупность институциональных форм общения. При этом важно помнить, что цивилизация – это не только совокупность социальных институтов, но и громадная по охвату и значению сфера институционализированного сознания, которую с полным основанием можно назвать **социальной** культурой.

Отсутствие масштабной гносеологической дифференциации категории культуры – выделение в ее феноменологическом пространстве трех основных уровней, таких как **материальная** культура, собственно **социальная** культура и **духовная** культура, – приводит к досадному отождествлению социальной культуры с цивилизацией как таковой, а в широкой терминологической практике – к произвольному отождествлению цивилизации и культуры в целом. Попробуем расставить здесь необходимые логические акценты. Если

исходить из определения культуры как совокупности нормативных форм мышления, то становится понятно, что цивилизация и культура – это два различных «инструментальных» измерения единого социального пространства. Цивилизация – это сфера **институционального общения**, общения не людей, а институциализированных ролей («осмелюсь доложить», «Ваше превосходительство», «гражданин начальник» и т.д.). Культура – это сфера человеческой ментальности, взятая, однако, не в ее субъективно-символической свободе, а в качестве скрепляющих безграничную человеческую ментальность нормативных форм (от таблицы умножения и правил дорожного движения до статей Уголовного кодекса и высших нравственных норм).

Понятно, что три гносеологических типа культуры имеют одну и ту же символическую оболочку, но наполнение этой символической оболочки идет из различных источников. Материальная культура (бытовая, производственная, техническая) – это совокупность идеальных норм, необходимых человеку для успешного освоения физического (в широком смысле этого слова) пространства. Социальная культура – это совокупность жизненных навыков и умений, необходимых для успешной ориентации человека в институциональном пространстве. И, наконец, духовная культура – это совокупность знаний, навыков и умений, необходимых индивиду для того, чтобы осмысленно существовать в пространстве общечеловеческих ценностей.

Этот небольшой социологический экскурс был необходим для того, чтобы окончательно уточнить специфику российской цивилизации и в особенности парадоксальное сосуществование российской цивилизации и великой русской культуры. Обратимся еще раз к понятию российской цивилизации. Если в основе феномена цивилизации лежит институциональный критерий, то напрашивается парадоксальный вывод, а именно: российская цивилизация, вырастающая не из потребностей материального производства, не из разделения труда, а из геополитической активности самодовлеющего российского государства, такая цивилизация заслуживает названия Суперцивилизации, т.е. цивилизации «в квадрате». Получается, что «варварская» Россия с ее недоразвитой экономикой и хроническим отсутствием прав человека является наиболее чистым воплощением мировой цивилизации. Вывод, прямо скажем, неожиданный. Но обратимся к фактам. Стремительное превращение полуфеодальной России во вторую сверхдержаву мира, культурная революция в полуграмотной стране, победа во Второй мировой войне, выход в космос, лучшая в середине XX столетия система образования, невиданные социальные гарантии для рядовых граждан – все это говорит о том, что российский тип цивилизации обладает колоссальными институциональными ресурсами.

Но в таком случае возникает законный вопрос: почему так скоростно разрушился Советский Союз, ставший «периодом наивысшего подъема тысячелетнего российского государства»? Ответ может быть только один: в рамках советского «эксперимента» мировая цивилизация исчерпала все свои институциональные ресурсы. После сталинского режима власти укреплять институциональную мощь государства уже физически невозможно. Иными словами, советская политическая система – это потолок в развитии мировой цивилизации. Напрашивается суровый, но неизбежный вывод: у российской цивилизации великое историческое прошлое, но будущее России связано не с ее тысячелетней цивилизацией. Будущее современной России связано с ее великой русской культурой, берущей начало в «золотом веке» пушкинской поэзии и споткнувшейся в конце советского периода на вершине невиданного морального взлета массового сознания. Вот что сказал по поводу будничной духовной революции, происходившей в советской стране, талантливый актер и режиссер Ролан Быков: «Оказывается, при коммунистах миллионы людей были выше денег!». На фоне «вороватого» российского капитализма и процветающей западной цивилизации с неожиданным для нее самой «концом истории» данное признание выглядит как раннехристианское откровение.

Завершая анализ вопроса о своеобразии российской цивилизации, мы обязаны сделать следующее уточнение. Основное противоречие российского социума – это уже не противоречие между западным типом культуры и восточным типом цивилизации. Основная проблема нынешней России, уже в который раз стоящей на перепутье, – это острейшее противостояние между изжившей себя российской цивилизацией и половиной потерявшей себя великой русской культурой. Чтобы прояснить эту очень непростую ситуацию, сделаем еще одно социологическое отступление. В пределах ныне существующего социального пространства три гносеологических типа культуры имеют свое особое социальное «сопровождение». Например, все артефакты материальной культуры функционируют в рамках социального отношения, именуемого Собственностью. Гигантское многообразие видов социальной культуры тем не менее целиком укладывается в одно социальное отношение, именуемое Властью. И, наконец, все проявления духовной культуры (от выдающихся научных открытий до гениальных художественных творений) становятся реальностью только в рамках социального отношения, получившего название Авторитет.

Многовековое развитие западной цивилизации позволило ей в настоящую эпоху выйти за пределы доминирования собственности в абсолютное властное пространство. Принцип разделения властей – это непреодолимая вершина западной социальной культуры и цивилизации. Имманентное развитие российской цивилизации, изначально опирающейся на Власть, позволило ей в советскую эпоху выйти за пределы Власти и войти в пространство социального Авторитета. Руководящая роль КПСС и принятие решений «от имени трудящихся» свидетельствовали о том, что политическая власть в СССР имеет устойчивую авторитарную оболочку. Но в условиях реального политического неравенства управляющих и управляемых авторитарная оболочка общественных отношений неизбежно наполнялась властным содержанием. Рано или поздно это вопиющее противоречие должно было завершиться крушением «руководящей партии» и юридическим закреплением трех основных типов власти – экономической, политической и идеологической. К сожалению, это **содержательное** разделение властей все еще воспринимается научным сообществом в социальных терминах XVIII века – как формально-юридическое разделение законодательной, исполнительной и судебной власти.

Специфика российской цивилизации, как мы выяснили, заключается в ее тотальной институционализации. Не случайно Н. А. Бердяев называл Россию самой бюрократической страной в мире. Но он же писал о том, что «Россия – самая анархическая страна в мире». Разгадка этого социокультурного парадокса видится в следующем. Только в условиях многовекового российского самодержавия мог сформироваться тот национальный тип культуры, который опирается исключительно на самого себя, т.е. обладает повышенным духовным статусом. Вершиной этого духовного противостояния культуры и цивилизации стала отчетливая мысль о недопустимости властвования одного человека над другим, о необходимости уничтожения социального отношения Власти. Устами выдающегося русского интеллигента Л. Н. Толстого эта пророческая мысль была высказана следующим образом: «Дело, предстоящее русскому народу, в том, чтобы развязать грех власти, который дошел до него» [6, с. 223]. В переводе на социокультурный язык это означает, что прогрессивное развитие отечественной и мировой цивилизации требует перехода человеческих ассоциаций от «разделения властей» к «разделению авторитетов». Такое общественное устройство возможно только при уничтожении социальных корней бюрократизма, а именно – уничтожении неравного отношения «управляющих» и «управляемых» к средствам хозяйственного и государственного управления. Логично предположить, что основная профессиональная задача современной российской интеллигенции заключается в том, чтобы коллективными усилиями философов, историков, социологов, политологов, юристов и экономистов подготовить теоретические условия для практического воплощения идеи социального прогресса.

Список литературы

1. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. 624 с.
2. Мчедлова М. М. Российская цивилизация: вызовы XXI века: учебное пособие. М.: РУДН, 2008. 187 с.
3. Пастухов В. Б. Будущее России вытекает из прошлого // Полис. 1992. № 5-6. С. 59-75.
4. Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003. 177 с.
5. Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 185-205.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 22. 559 с.
7. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб.: Наука, 1992. С. 267-306.
8. Чусовитин А. Г. Российская цивилизация: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГАС, 1997. 92 с.

CIVILIZATION OF RUSSIA: FORMATION, SPECIFICITY AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

Averenkova Natal'ya Vyacheslavovna, Ph. D. in History
Pashintsev Evgenii Vasil'evich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Chelyabinsk Institute of Railway Transport – Branch of Ural State University of Railway Transport
info@chirt.ru

The article substantiates the thesis that the originality of the Russian society is conditioned by external causes: clash of two civilizations within Eurasian space – Western and Eastern ones. The objective result of this clash was an emergence of a new type of civilization, within which bounds institution of the state became dominant in relation to economic and ideological institutions. The Soviet “experiment” demonstrated complete social monopoly of the state and political commitment of ideology. Further development of the Russian society implies socio-cultural separation of culture from civilization, ideology – from politics.

Key words and phrases: Western civilization; Eastern civilization; Russian civilization; dominant role of state; totalitarianism; Russian culture; property; power; authority.

УДК 304.2+377.5

Культурология

Авторы рассматривают некоторые тенденции художественного процесса в Республике Дагестан, проявившиеся в сфере музыкальной культуры, профессионального образования и композиторского творчества. Выявлена взаимообусловленность данных компонентов художественного процесса республики. В статье делается вывод: активное функционирование специальных музыкальных учебных учреждений инициировало формирование композиторской школы и включение творчества композиторов региона в культурное пространство страны.

Ключевые слова и фразы: музыкальное образование; музыкальное образование в Дагестане; композиторское творчество; музыкальная культура Дагестана; художественный процесс; региональная культура.

Аджиева Динара Ярашевна
Абдулаева Медина Шамильевна, д. культурологии, доцент
Дагестанский государственный педагогический университет
m-medina71@yandex.ru

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И КОМПОЗИТОРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Формирование системы специального музыкального образования и композиторской школы региона на протяжении XX века происходило параллельно и представляло единый системный процесс, включавший